

ИГЛА

ВИКТОРА
ЦОЯ

Эта пиратская новеллизация фильма "Игла" не имеет никаких выходных данных: ни имени автора, ни издательства, ни даты и места публикации, ни даже имен создателей фильма, кроме Виктора Цоя. Расшифровка диалогов содержит мелкие неточности, а описание действия, разумеется, отражает восприятие автора. Тем не менее, я посчитал, что данная работа может быть интересна поклонникам Виктора Цоя и фильма "Игла", даже если она не авторизована мной.

Рашид Нугманов

Эта книга посвящена Виктору Цою, певцу и композитору. Книга необычна. Есть такой жанр—экранизация, но как назвать литературное описание фильма? Описание точное, эпизод за эпизодом, при этом с очень краткими выводами.

В книгу включены также стихи Виктора Цоя, впервые опубликованные в столь полном объеме.

Большой раздел посвящен фотографиям Виктора Цоя.

Игла... Наверняка у многих, посмотревших одноименный фильм с участием Виктора Цоя, лидера рок-группы «Кино», игла ассоциируется со шприцем, наркотиками.

Но есть и другая игла, невидимая глазу, та, что постоянно находится в сердце совестливого человека: это боль за других.

Да, как это ни парадоксально звучит, но самые совестливые люди — это отверженные и униженные с одной стороны, популярнейшие кумиры с другой, именно они являются как бы полюсами единой планеты, планеты одного человека, и эти два полюса позволяют не только увидеть планету homo sapiens, разглядеть ее в полном объеме, но и дают самой планете возможность существовать в просторах мироздания.

Расстояние между полюсами Виктора Цоя беспредельно. По одну сторону — пачка сигарет, по другую — Солнце. Космос... Открытый космос. Глубина человеческой души. Глубина, так же неподвластная измерению, как и Вселенная...

... У каждого поколения свои кумиры. Нынешним двадцатилетним повезло: кумирами стали и Владимир Высоцкий, и Виктор Цой, и Игорь Тальков.

Всех троих уже нет. Их судьбы оказались до обидного короткими. И как не согласиться со словами Игоря Талькова, посвященными Виктору Цою:

Поэты не рождаются случайно.

Они летят на Землю с высоты.

Их жизнь окружена глубинной тайной, хотя они открыты и просты.

Глаза таких божественных посланцев
всегда печальны и верны мечте.

И в хаосе проблем
их души вечно светят тем
мирам, что заблудились в темноте.

Они уходят, выполнив задание,
их отзывают высшие миры,
не ведомые нашему сознанию,
по правилам космической игры.
Они уходят, не допев куплета,
когда в их честь оркестр играет туш —
актеры, музыканты и поэты,
целители уставших наших душ.

В лесах их песни птицы допевают.
В полях для них цветы
венки совяют.

Они уходят вдаль, но никогда не умирают —
и в песнях, и в стихах своих живут.
И может быть, сегодня или завтра
уйду и я таинственным гонцом
туда, куда ушел,
ушел от нас внезапно
поэт и композитор Виктор Цой.

Да, их нет. Осталась только память о них. И конечно же, остались их песни. На магнитофонных лентах, на пластинках. Подтверждение тому, что их песни остались, является и опрос, проведенный газетой «Комсомольская правда», в результате которого первой рок-группой страны в 1991 году

названа рок-группа «Кино». Всего было названо 73 группы, но первой была названа практически не существующая...

Песни одинаковы для всех. Прочти текст, послушай записи, и окунешься в тот мир, который эти композиторы, поэты и певцы создали для тебя.

Другое дело — память.

Конечно, есть десяток или несколько десятков людей, близко знавших Талькова, Цоя, Высоцкого. И в их памяти они остались как цельные образы: веселыми и грустными, добрыми и злыми, обидчивыми и радушными, трезвыми и пьяными. Живыми образами, с достоинствами и недостатками.

А для сотен тысяч других?

Владимир Высоцкий остался для тысяч его почитателей разным — от бородатого альпиниста в «Вертикали» до жесткого и чрезвычайно справедливого, а оттого и симпатичного нам в «Месте встречи изменить нельзя». Было немало и других экранных работ, и спектаклей в Театре на Таганке. Так что вполне можно сложить если не цельный, то весьма разносторонний образ Высоцкого.

Совсем иное — Игорь Тальков и Виктор Цой. Первый вообще ушел на взлете, и даже единственный фильм с его участием «За последней чертой» показан зрителям уже после гибели Талькова. А с участием Виктора Цоя остался единственный фильм — «Игла». В миллионной людской памяти Виктор останется только таким, каким в фильме выступает его герой Моро — взрывным, ранимым, предельно честным...

Отсюда и предлагаемая читателям, многочисленным поклонникам Виктора Цоя, структура этой книги. Всем известно, что существует экранизация литературных произведений. Здесь же поставлена задача «наоборот», своеобразная «литературизация» кинопроизведения.

Конечно, можно было бы взять сценарий фильма, но сценарий вряд ли сможет показать того Виктора Цоя, который на экране. Вот почему мы десятки раз прокручивали фильм на видеокассете, записывая эпизод за эпизодом, чтобы человек, хоть единожды видевший фильм, читая, мог вспоминать, восстанавливать в своем воображении каждый поступок, слово, жест главного героя этой картины, а по сути — Виктора Цоя...

Стихи Виктора Цоя также переписывались с магнитофонных кассет, не все из которых высокого качества, из-за чего возможны отдельные погрешности. И только статьи о Викторе Цое, взятые из всевозможных газетных и журнальных источников, — они такие, какие есть.

Мы отдаем себе отчет, что первая попытка собрать под одной обложкой творчество (а отчасти и жизнь) такой неординарной личности, каким был Виктор Цой, задача не из простых. Возможно, что-то нам не удалось, что-то сделано не так. Что ж, мы сделали, что могли, а другие пусть сделают лучше. Главное, чтобы не притупилась Игла Виктора Цоя. Наша совесть.

Спугнутая кошка с воплем метнулась по переулку. В ущелье сырых кирпичных стен медленно двигалась одинокая фигура в черном. У перекрестка человек остановился, чтобы вынуть сигарету и закурить. Движения его были легки и небрежны.

В ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ ОН ВЫШЕЛ НА УЛИЦУ И НАПРАВИЛСЯ В СТОРОНУ ВОКЗАЛА. НИКТО НЕ ЗНАЛ КУДА ОН ИДЕТ И САМ ОН ТОЖЕ.

Белый снег, серый лед
На растрескавшейся земле,
Одеялом лоскутным на ней —
Город в дорожной петле

Угрюмый и неприветливый, город провожал его. Состав с грохотом отошел от перрона.

А над городом плывут облака,
Закрывая небесный свет.
А над городом желтый дым.
Городу две тысячи лет,
Прожитых под светом звезды
По имени солнце.

Настоящее солнце, не скрытое пеленой мутных небес, он увидел почти только через двое суток. Убегающие вдаль рельсы, превратившиеся в светящуюся колею, на самой кромке горизонта сливались с огромным, кроваво-красным диском, который неторопливо восходил над бескрайней степью. Казалось, дорога ведет прямоком на солнце. Во всяком случае ему хотелось верить в это. Ведь это был путь к солнцу, а значит, — путь к жизни и свету. И не только для него одного...

И две тысячи лет — война,
Война без особых причин.
Война — дело молодых.
Лекарство против морщин.
Красная, красная кровь, —
Через час уже просто земля,
Через два на ней цветы и трава,
Через три она снова жива...
И согрета лучами звезды
По имени солнце

Он перенесся совсем в другой мир, когда состав со скрежетом остановился и он спустился по тамбурной лестнице на перрон. Да, здесь, в родном городе, солнца было предостаточно. Жаркие лучи щедро одаривали землю своей силой, и, слегка прищурившись, Моро застыл на перроне, улыбаясь Солнцу и не замечая кондукторши, которая дергала его за рукав, тщетно пытаясь что-то выяснить. Подняв средний палец, он невозмутимо двинулся прочь, даже не взглянув в ее сторону.

И мы знаем, что так было всегда,
Что судьбою больше любим

Кто живет по законам другим
И. кому умирать молодым.

Растерянно посмотрев ему вслед, кондукторша повернулась к лестнице вагона. Завороженный мелодией, звучащей в мозгу, Моро шел по вокзалу, в такт покачивая головой. Остановившись возле первого телефона-автомата, он бросил двушку и набрал номер.

Он не помнит слова «да» и слова «нет».

Он не помнит ни чинов, ни имен.

И способен дотянуться до звезд,

Не считая, что это сон,

И упасть, опаленным звездой

По имени Солнце.

Со шелчком двушка исчезла в утробе автомата, и Моро, зажав трубку ладонью, загнусавил:

— Алло, алло, Мирка! ничего не слышно, из Москвы... Да - а... Отец в Москву не собирается? Слушай, монетки кончаются! Алло! Алло - о! Ага... Ну, пока... Пока... Целую... Пока... Пока...

Осторожно, за ниточку он вытянул монетку из телефонного чрева и только после этого опустил трубку на рычаг.

А ТЕПЕРЬ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ВАМ ОДНУ
ПЕЧАЛЬНУЮ ИСТОРИЮ, НО НЕ
ЗАБЫВАЙТЕ ПРИ ЭТОМ ОБРАТИТЬ
ВНИМАНИЕ НА УПОТРЕБЛЕНИЕ ВРЕМЕН.

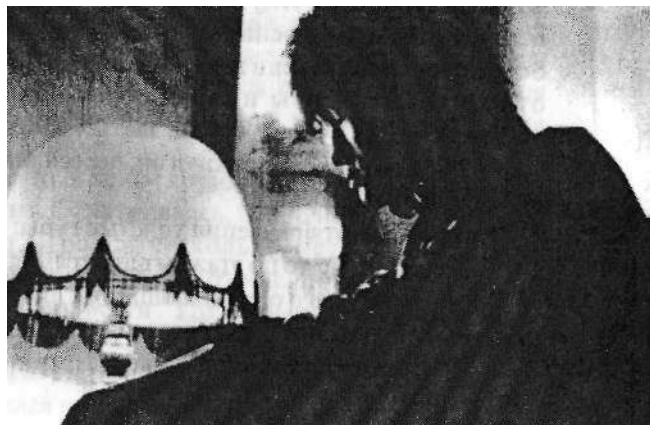
9 ЧАСОВ.

Дверь лифта распахнулась, выпустив Моро с сигаретой в зубах и невозмутимой миной на лице. Глянув по сторонам, он направился к двери одной из квартир и несколько раз надавил на кнопку звонка. За дверью прошаркали шаги и послышался брюзгливый старческий голос:

— Кто там? Чего надо?

— Спартак дома?

— Нету вашего Спартака. Чего трезвонишь? Ходют тут, ходют целыми днями, — недовольно заверещала старуха. — Хулиганы, весь подъезд

загадили. Натопчут, накурют... Ну-ка, давай отсюда, давай, иди, иди. Лифт вызывай. Нет, не вызывай, пешком иди, а то нагадишь в лифту.

Моро отошел к настежь распахнутому окну подъезда и, облокотясь на подоконник, задумчиво воззрился на панораму города. Не очень-то приветливо его здесь встречали.

А СЕЙЧАС НАМ ХОТЕЛОСЬ БЫ
ПОЗНАКОМИТЬ ВАС С ДРУГИМ
МОЛОДЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, У КОТОРОГО
МНОГО НЕПРИЯТНОСТЕЙ, ПОТОМУ ЧТО
ОН ВЕЗДЕ И ВСЮДУ...

11 ЧАСОВ.

Моро дернул за ручку железную дверь. Под потолком вспыхнула красная лампочка, и с громким жужжанием сработала звуковая сигнализация. В дальнем углу подвального помещения, освещенный единственной лампой, похожий на бегемота слесарь-сантехник поднял голову, отрываясь от газеты и стакана с чаем. Перед дверью, сложив руки на груди, застыл Моро.

— Где Спартак? — крикнул он, пересиливая гул работающего насоса.

Слесарь нехотя разлепил толстые губы:

— Не знаю, где-то по этажам шляется. А ты кто?

Моро окинул его оценивающим взглядом и, не проронив больше ни звука, пошел к двери.

— Может передать чего? — вслед ему крикнул слесарь.

Снова сработала сигнализация. Дверь захлопнулась.

Надувшись, слесарь повернулся в сторону, где, скрытый стеной, понуро стоял коротко остриженный человечек.

— Ну-ка быстренько давай в элеваторную. Давление проверить надо.

Спартак не двинулся с места и не поднял головы.

— Слышишь? Ну чего, оглох, что ли? — потеряв терпение, слесарь отвернулся и тяжело вздохнул.

11.15.

Что-то мурлыкая себе под нос, Спартак шагал по полутемному коридору элеватора. Свернув за угол, он вдруг замер, словно наскочил на невидимую стену. В десятке метров перед ним стоял Моро.

Машинально Спартак начал пятиться. Держа в правой руке разводной ключ, он отступил обратно в коридор, не сводя с Моро глаз. Еще секунда — и он рванулся прочь. Бросившийся следом Моро остановился на повороте, глядя вглубь лабиринта.

Где-то, в конце коридора, отражалось тусклое свечение. Осматриваясь, Моро не спеша двинулся вперед. Пройдя несколько метров, он поднял голову и увидел Спартака, притаившегося на трубах теплосети. Тот ковырялся с разводным ключом, как бы и не замечая Моро, который с усталым видом прислонился к стене. Сверху доносился приглушенный стук и лязг металла.

Моро свистнул, глядя вверх:

— Спартак!

Спартак, надевший зачем-то темные очки, рассеянно обернулся:

— Ага?..

— Я давно хотел тебе сказать, — продолжал Моро. — Люди в мире подразделяются на две категории. Одни сидят на трубах, а другим нужны деньги.

- Спартак продолжал делать вид, будто занят работой.

— На трубе сидишь ты.

Не прекращая своего занятия, Спартак достал из кармана яблоко и бросил вниз. Небрежно поймав его, Моро откусил и снова воззрился на благодетеля. Спартак повернулся и, свесив ноги, снял очки:

— Денег-то у меня нет. Ты где пропадал? Я тебя искал. Везде, везде искал. Сколько времени... А теперь у меня денег нет, — оправдываясь, он пожал плечами.

Моро жевал, сохраняя молчание.

— Давай завтра в «Парламенте»? — предложил Спартак. — Что-нибудь придумаю.

Моро вскинул глаза на него:

— Во сколько?

— В семь тридцать семь.

Отряхивая рукав, Спартак вдруг выронил очки.

Моро подхватил их на лету и, надев, скрылся в темноте коридора.

Кряхтя, Спартак спрыгнул с труб, отряхнулся и, удаляясь, загремел сапогами по бетону.

— А где же сердце что полюбит меня!.. — донесся из темноты его истеричный выкрик.

Все стихло.

15.00

ДРУГОЙ СЛУЧАЙ. НАМ НЕОБХОДИМО ВСТРЕТИТЬ ОДНУ ОЧАРОВАТЕЛЬНУЮ ДЕВУШКУ.

Выстрелы, следовавшие один за другим, раскатисто звучали под сводами просторного помещения, обстроенного под тир. Сопровождаемый уборщицей, Моро появился в зале.

— Вон там она! — уборщица махнула рукой в дальний конец и, повернувшись, отправилась обратно.

— Спасибо, — Моро, держа руки в карманах, подошел к столу, рассматривая хрупкую фигурку в наушниках, увлеченную стрельбой. Он небрежно развалился на стуле, разбросав ноги на стул и стол.

Выждав паузу между выстрелами, он позвал:

— Дина!

Девушка обернулась и опустила пистолет.

— С приездом, — приветствие прозвучало безразлично.

— Все стреляешь?

— Стреляю.

Моро взял со стола монокуляр.

— Слушай, мне жить негде... У вас нельзя на даче? Пару дней.

Тонкие пальцы не по-женски уверенно загоняли патроны в пустую обойму. Сосредоточенное лицо Дины напряглось. Щелкнул затвор.

— А дачи нет. Папа умер и продала.

— Извини.

— Ничего. Я уже привыкла.

Громыхнул выстрел.

Понаблюдав в монокуляр как пули оставляют следы на мишени, Моро оставил его в сторону.

Расстреляв обойму, Дина взяла два чемоданчика и, повернувшись, пошла вдоль стены к выходу, словно кроме нее в зале никого не осталось. Моро не шелохнувшись, продолжал смотреть в одну точку. Внезапно она остановилась и повернулась к нему.

— А тебе действительно негде жить?

Моро медленно повернул голову.

— Да.

Она вынула из кармана ключи и бросила ему.

— Только дверь никому не открывай и к телефону не подходи. Будешь утром уходить, позвони: 22-34-00.

Моро уставился на связку ключей в ладони. Музыкальный брелок на короткой цепочке вдруг заиграл мелодию, такую знакомую и вместе с тем давно забытую...

16.30.

Все еще слушая брелок, Моро вошел в комнату. Подойдя к столу, бросил ключи и, не раздеваясь, рухнул на диван. Зазвонил телефон. Моро не двигаясь, глядя в потолок. Звонки не прекраща-

лись. Тогда он вскочил и щелкнул выключателем радиолы. Комнату наполнила мелодия. Увеличив громкость, он пошел на кухню, заглянул в холодильник.

Телефон все трезвонил.

Взяв кусочек сала он захлопнул дверцу, прихватил хлеб и маленький телевизор, стоящий на холодильнике. Вернувшись в комнату, он поставил его на большой телевизор, включил оба и снова прилег. Жужа, уставился в экран, рассматривая появившиеся изображения.

— Хочешь... — завораживающе шептал женский голос, — Я убью его...

Мужской голос недоумевал:

— Кого?

— Мне ведь за него больше десяти лет не дадут,— просительно говорила женщина. — Отсижу и вернусь.

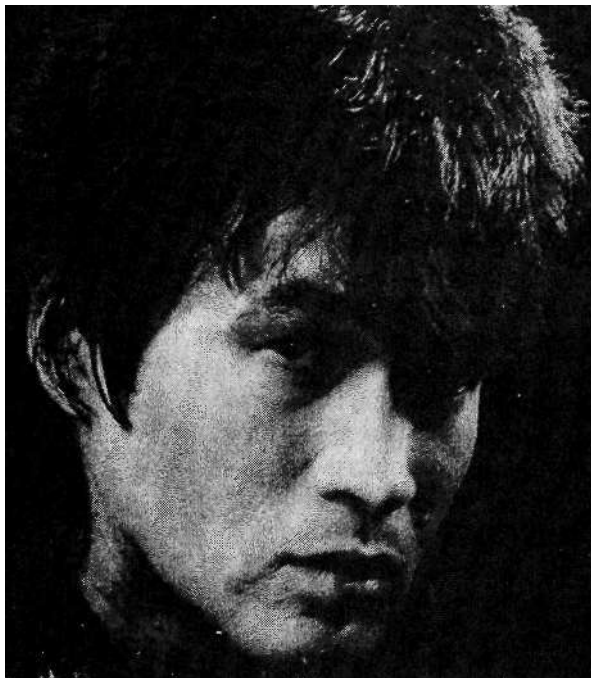
— Да ты чего? — голос мужчины прозвучал испуганно. — Ты уж лучше меня убей, чтоб не мучился.

Изображение менялось, таяло и звуки расплывались, словно сахарная вата под жгучим солнцем. Моро уже не сознавал, видит ли он изображенное на экране, или в его усталом мозгу вдруг замелькала пестрая вереница видений.

— Вот именно, — откуда-то послышался язвительный голос.

Он увидел рыболовный траулер, рыбаков, тянущих канаты, сеть с многими тоннами трепещущих серебристых тел. Изображение сменилось. За пультом стояли двое военных и горбоносое лицо одного из них было странно знакомым... То ли он уже видел его где-то, то ли им еще предстояло встретиться...

Появился спускающийся вертолет и демонстранты, размахивающие палками. Едва вертолет сел, демонстранты разбежались. Из кабины посыпались солдаты. Внезапно передний план занял дипломат и на нем изображение задержалось на секунду, словно что-то подсказывая, после чего двинулось вспять, подобно ускоренной обратной съемке. Солдаты скрылись в вертолете, который тут же взмыл вверх, а площадку вновь заполнили размахивающие палками фигуры.

— Держи мужики! — прорвался неведь откуда свирепый крик.

— Бывает и так, — произнес диктор.

Моро увидел себя с сумкой в руках и рюкзаком за плечами, шагающего по заброшенному аулу. Дина шла в стороне. Наклонившись, он открыл дверь погреба.

— Э-эй!

Он захлопнул погреб.

— Дина, это я.

— Тихо только... Тихо.

Моро видел как его собственная фигура схватила сумку, как он пустился за Диной вслед. Неожиданно вновь появились военные за пультом, но их тотчас скрыли помехи.

— Дубленки ему наши не нравятся! — прозвучало злобное.

Дикая фантазмагория звуков и образов совершенно смешалась за несколько секунд до того, как Моро открыл глаза, услышав частое дыхание собаки.

Переступив порог, овчарка остановилась посреди спальни. Моро оторвал голову от подушки.

В дверях стояла Дина.

— А я думала ты спишь.

— Привет! — Моро привстал.

— Пошли пить чай, — она взяла со стола чайник и направилась на кухню.

Переступив порог, Моро ухватился за вделанный в стену турник и, кряхтя, перевернулся, после чего рухнул на стул. Из телевизора неслась победная музыка программы «Время».

Подперев рукой голову, он иронично уставился на Дину, разливавшую чай. Лицо ее было скрыто маской.

— М-м-м! — протянул Моро с улыбкой, когда она уселась напротив. — Ты изменилась.

Маска равнодушно взирала на него.

— Зачем ты приехал?

Не сводя с маски глаз, Моро опустил правую руку, накрыв ею безжизненно лежащее на столе белое запястье Дины.

— На тебя посмотреть.

Пальцы его начали нежно поглаживать ее руку. Сквозь пальцы биотоками крушилось расстояние и время. Вероятно, первое изначальное чувство наших начал... было прервано вторжением звонка.

И порвалась связующая нить.

Испуганно отдернув руку, Дина поднялась из-за стола, и направилась к двери.

— Сиди, — приказала она.

Прислушиваясь, Моро задумчиво постукивал пальцами по столу. В прихожей шелкнула дверь, послышался приглушенный мужской голос:

— Ну, что, давай?

— Сегодня нет. Завтра, — голос Дины трепетал от с трудом скрываемого волнения.

— Как нету? — возражал мужчина.

Моро поднялся и прислонился к стене в дверях кухни. Дина стояла в прихожей, держа полуоткрытой дверь и заслоняя собой проход незнакомцу.

— Нету... Нет ничего, — повторяла она. — Я потом все объясню.

— Потом я не смогу, — перебивал тот.

— Завтра, завтра приходи. Ну, уйди, пожалуйста.

— Ты что?

— Ну, завтра придешь.

Незнакомец, взглянув поверх ее головы, заметил Моро. Дина резко обернулась.

— Уйди в комнату! — сердито бросила она.

Моро неохотно подчинился ей и, с вызовом глянув на незнакомца, перешел в зал, рассеянным взглядом блуждая по комнате. Слова доносились теперь еле слышно.

— ... Ну, одноклассник мой бывший, — объясняла Дина.

— Я давно хотел тебе сказать, — продолжал Моро. — Люди в мире подразделяются на две категории. Одни сидят на трубах, а другим нужны деньги.

— Какой еще одноклассник.

— Ладно... Нормальный человек.

Объяснение длилось еще некоторое время, после чего хлопнула дверь и Дина появилась в комнате. Моро затопил камин и сидел рядом, подбрасывая в огонь бумагу.

— Что ты делаешь? — вскрикнула Дина.

Поспешно схватив кувшин, стоявший на камине, она бросила на пол цветы, которые были в нем и выплеснула воду в огонь. Притоптав ногой последние язычки пламени, она с грохотом поставила кувшин на место.

Моро сидел неподвижно, переводя недоумевающий взгляд с нее на камин и обратно.

— Никогда не топи камин, понял? — произнесла она со злостью.

— А тебе действительно негде жить?

Моро медленно повернул голову.

— Да

— Не понял, — пристально глядя на нее снизу вверх, ответил Моро.

Дина отвернулась к шкафу, распахнула дверцу. Достав простынь, повесила ее на спинку стула.

— Спокойной ночи.

По телевизору, который забыли выключить, мелькали изображения.

— Что отдашь — твое... — несло из динамика. — Твое счастье. Таким образом мы видим, что любовь... Это не удовольствие, но в то же время, это гораздо больше, чем удовольствие.

Моро поднялся.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО.

— Зихен абен ин Альма-Ата, — звучал голос из репродуктора. — Айн, цвайн, драйн, фир.

В ванной журчала вода. Из репродуктора полилась музыка, оперный певец затянул тирольскую песню.

Щелкнул замок. Входная дверь приоткрылась и в прихожую тихо проскользнул горбоносый человек в очках. Почувствовав кого-то в доме, он осторожно прикрыл дверь и на цыпочках подкрался к ванной. Сквозь щель в дверях человек рассмотрел Моро, принимающего душ.

Слегка поскрипывая половицами, человек пробрался в зал.

Моро, в накинutom халате, осторожно выглянул из ванной. В отражении зеркала он увидел незнакомца, склонившегося над камином. Нашупав что-то в глубине, он вытащил это и с шуршанием опустил в карман своего пиджака, после чего двинулся обратно.

Моро скрылся в ванной.

Незнакомец проскрипел по коридору и, выйдя, закрыл дверь. Щелкнул замок.

Моро подскочил к глазку. Незнакомец стоял неподвижно, спиной к двери, затем, словно почувствовав на себе взгляд, повернулся и, задвинув на лоб очки, прильнул к глазку. Лицо его, искаженное линзой, стало еще горбоносее и безобразнее. Постояв, он выпрямился и, поразмыслив над чем-то, удалился,

Моро, забыв даже вытереть голову, подошел к камину. Пошарив рукой, он вытащил несколько шуршащих упаковок с ампулами и поднес их к

свету. Внезапная догадка серебряной иглой кольнула сердце.

— Морфина гидрохлорид, — прочел он.

Поднявшись с корточек, он взял трубку телефона, бормоча про себя:

— Так... 22-34-00.

Набрав номер, он продолжал рассматривать упаковки.

— Алло... Алло, извините, куда я попал? Больница? Нет, спасибо. Я ошибся. Извините, — он опустил трубку на рычаг.

— Ахтундайт. Нойн хиндат, — сказало радио. Догадка оказалась верной.

11.15.

В оранжерее зимнего сада, среди пальм и экзотических растений, царил умиротворенность, которую навевало еще больше журчание воды в бассейне, где лениво порхали, помахивая плавниками, золотые рыбки. Где-то среди ветвей перекликались попугаи, а гипсовая статуя, склонившаяся над водой, непрерывно рассматривала свое отражение, словно любясь им.

Поскрипывая, к бассейну выехала тележка, подталкиваемая медсестрой. Но сидящий в ней человек с забинтованной головой был безучастен к яркой зелени и пению птиц.

Моро, скрытый ветвями, сидел на мраморной ограде бассейна и, наблюдая за медсестрой, жевал резинку. Медсестра ушла и, повернувшись, он неожиданно заметил Дину, идущую вдоль окна.

— Дина! — позвал он.

Она остановилась и, разглядев его, подошла. В белом халате и шапочке ее болезненная худоба стала еще заметнее.

— Что-то случилось? — спросила она.

В темных очках, лицо Моро было непроницаемо.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — спросил он загадочно.

Дина слабо улыбнулась:

— Да нет.

С деланным удивлением Моро приподнял брови.

— Совсем ничего? Я решил уехать, Дина... Ну?

— Только дверь никому не открывай и к телефону не подходи

Она слегка опешила, но не подала вида. За ее спиной, как бы и не замечая их, остановился доктор.

— Ну, до свиданья.

— И все? — протянул Моро.

— А когда ты собираешься уезжать? — она спросила просто так, лишь бы что-то сказать.

— М-м-м... Сегодня! — ответил Моро.

— Ну, что я могу тебе сказать? — она чувствовала себя неловко.

— Ну подумай.

— Я же тебе сказала.

— До свиданья — и все? Привет?

Дина оглянулась и увидела доктора.

Моро посмотрел в ту же сторону и узнал в докторе горбоносого незнакомца, который утром проник в квартиру.

Теперь настал черед смутиться доктору. Он подошел к больному в коляске, который сидел все так же безучастно, и сделал вид, будто занят осмотром.

— Ну как мы себя сегодня чувствуем? — с притворным участием задал он вопрос. — Ну, сегодня получше, получше... — не выпрямляя спины, он повернул лицо к Дине. — Дина, почему у вас товарищ без халата?

— Хорошо, я поняла, — ответила Дина.

Доктор выпрямился и двинулся к выходу в коридор, покачивая головой. Приостановившись на секунду, и издав носом утробное похрюкивание, он скрылся в глубине коридора.

— Давай, уходи, нельзя здесь, — сказала Дина, обращаясь к нему.

— Кто это такой строгий? — Моро понимающе улыбнулся. — А?.

— Если ты не уйдешь, у меня будут неприятности.

— Ну кто это? — настаивал Моро.

— Неважно. Уходи, слышишь?

— Как — неважно? — Моро усмехнулся и подался вперед. — У тебя что, с ним что-нибудь есть?

— Это Артур Юсупович, наш хирург, — ответила Дина.

Подперев рукой голову, он иронично уставился на Дину...

Моро пристально рассматривал ее сквозь зеркальные стекла очков. Улыбка его становилась все шире.

— Слушай, — он почти перешел на заговор-
ческий шепот. — Он что, тебя трахает?

Дина молча смотрела на него.

— А? Че молчишь? Ну, скажи — да, трахает.

Скрестив на груди руки, Дина решительно
зашагала прочь. Моро ухватил ее за руку.

— Иди ты к черту, — она вырвалась.

— Ну все.

*Моро посмотрел в ту же сторону и узнал в докторе горбо-
носого незнакомца, который утром проник в квартиру...*

Взяв чашку, Моро уселся за свободный столик...

— Перестань. Перестань, я сказала. Отпусти
руку.

— Ну все, все, — повторял Моро вполголоса.

— Все.

Она успокоилась и тогда он опять заулыбался:

— Он тебя трахает?

Дина вырвалась.

— Кретин какой-то.

Проходя мимо коляски больного, она маши-
нально ухватила за ее поручень и потянула за
собой. Вернувшись в этот момент медсестра
остановила коляску и водворила ее на место,
проводя Дину недоуменным взглядом. Обойдя
пальму, Дина вышла в другой корпус.

— Тебе очень идет эта шапочка, — полетело
вслед насмешливое.

Стук каблучков постепенно стих.

НУ, ЧТО Ж, НАСТАЛО ВРЕМЯ ОТПРА-
ВИТЬСЯ В КАФЕ, ГДЕ ВСЮДУ ОПАЗДЫ-
ВАЮЩИЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
НАЗНАЧИЛ СВИДАНИЕ СВОЕМУ ДРУГУ.

19.35.

Моро в очках Спартака сидел за стойкой на вращающемся стуле. Бармен насыпал в кофейник сахар, размешал и, налив кофе в чашку, поставил ее на стойку. Негромко звучала музыка и, в такт ей, вспыхивали под потолком разноцветные лампы. Взяв чашку, Моро уселся за свободный столик и отхлебнул из чашки, разглядывая немногочисленных посетителей. Подняв руку, взглянул на часы. 19.36.

В эту секунду появился Архимед. Махнув вместо приветствия рукой, он привалился к стойке, протягивая бармену кассету:

— Поставь!

Итальянская музыка прервалась. Вместо нее запела Эдита Пьеха и при первых же звуках в зале показался Спартак, сопровождаемый шумной свитой. Рука его театрально взметнулась вверх.

— Свет включить! — скомандовал он громко.
— Ребята, сделай, быстро. В темных очках Моро отражались разноцветные световые блики.

— Вот так! — Спартак был удовлетворен. Рукой он махнул в сторону. — Номер освободить!

Трое сопровождавших его вошли в один из уютных закутков.

— Проваливай, щеглы! — слышалось оттуда. Двое вытолканных посетителей, растерянно

озираясь, пошли к выходу, а ребята устроились за освобожденным столиком.

Спартак, не избавившийся, как видно, от страсти к дешевым эффектам, остановился перед Моро.

— Ай — момент! — произнес он, рисуясь. — Как тебе мои новые ребята? Неформалы. Я возлагаю на них очень большие надежды.

Спартак, Моро и Архимед подошли к столу, где разместились друзья Спартака. Моро остановился в дверях, оглядывая собравшихся. За его спиной приплясывал Архимед.

Моро остановивший в дверях, оглядывая собравшихся.

— Разрешите представить моего старого испытанного товарища, — Заговорил Спартак. — Партийная кличка — Моро.

— О-о-о! — раздались возгласы.

Ни с кем не здороваясь, Моро сел на свободное место.

— Присаживайтесь! — нарушил молчание Спартак. — На чем я остановился, Лелик?

— На жизни духа человеческого, — ответил худощавый в плаще, весь вид которого говорил, что он не равнодушен к наркотикам.

— Ах, да... — Спартак перешел на лекторский тон. — Это действительно страшно, когда в твое собственное тело входит чужая жизнь.

Он замолк и тогда инициативу взял круглолицый Рахим.

— Эта игра, — начал он, достав наперстки и шарик. — Борьба с жадными людьми. Ну что, начнем? — с неуловимой быстротой его руки начали передвигать наперстки. — Я приехал из Америки на зеленом венке, венок сломался, на Колыме остался. Значит... Бери шарик. Шарик возьмешь — в ресторан пойдешь. Алик-малик возьмешь — никуда не пойдешь. Хотите этот возьмите, хотите этот возьмите, хотите этот возьмите. Где шарик, угадайте?

Моро указал пальцем на средний. Рахим поднял наперсток. Пусто. Все засмеялись.

Моро невозмутимо рассматривал лица своих новых знакомых. Не впервые он оказывался в подобной компании и всякий раз люди напоминали ему персонажей книги, прочитанной еще в

детстве, где повествовалось о враче-вивисекторе, уединенно поселившемся на необитаемом острове. Путем сложных и мучительных операций он добился того, что животные, населявшие остров, становились людьми. Единственное, что оказалось ему не под силу — это остановить обратный процесс. Рано или поздно животное начало брало верх и новоявленные люди вновь превращались в животных. Они, эти люди-животные, сидели рядом.

Толстый, расплывшийся в улыбке Рахим напоминал человека-свинью, бледный Лелик с обводами вокруг глаз — ленивца. Китаец, жующий спичку, походил на слугу доктора. Книга называлась «Остров доктора Моро».

— Ням! — Лелик шелкнул зубами на Моро, пристально его рассматривающего.

— Мужики, имейте совесть! — в проходе появился Архимед, с пустыми стаканами и двумя бутылками пепси-колы в руках.

— Я же не официант.

— Запомни, Архимед, раз и навсегда, надменно произнес Спартак. — У меня нет совести. У меня есть только нервы.

Он сидел выпрямившись, излучая уверенность и не спеша наливал себе в стакан пепси-колу. Подняв глаза, он вдруг застыл, боясь шелохнуться, лицо его преобразилось.

В зале появились двое громил, поглядывающих по сторонам, один из которых попыхивал сигаретой. Спартак узнал Эпштейна и Марата.

Заметив Спартака, они приблизились к их столику. Эпштейн оттолкнул в сторону Архимеда,

войдя, окинул присутствующих презрительным взглядом. Остановил глаза на неподвижном Спартаке, с которого вмиг слетела вся надменность, он протянул руку и, погладив его по коротко стриженной голове, ухватил за шиворот. Подняв, передал его Марату. Тот обнял Спартака за плечи:

— Салам дорогой.

— Здравствуйте, — смиренно отвечал Спартак.

Они пошли к выходу.

— Я так по тебе соскучился, — слышался голос Марата. Эпштейн, не обращая ни на кого внимания, опустился на место Спартака, с грохотом отодвинув стаканы. Наполнив свой бокал шипучей жидкостью и половину разлив по столу, он отхлебнул, с отвращением сморщился и, фыркнув, бросил окурочку в бокал. Ребята, на которых Спартак возлагал так много надежд, притихли, будто их и не было вовсе. Зазвенело бьющееся стекло.

Моро не сводил глаз с нахального пришельца. Движением левой руки он сбросил с плеча ремень сумки и достал из кармана перчатки. Небрежно расправив, он натянул их на руки и отставил в сторону бокал с плавающим в нем окурком. Насторожившись, Эпштейн вынул из-за пазухи упругую резиновую дубинку, которую сжал в руках. Но того, что произошло в следующую секунду, не ожидал никто.

Сидя, Моро резко ударил ногой в правое колено Эпштейна и, когда тот, согнувшись от боли, подался вперед, Моро ухватил его за уши и что было сил, ударил лицом о стол. Едва Эпштейн

успел поднять голову, как руками, сомкнутыми в замок, Моро опрокинул его со стула.

По полу покатилась оброненная дубинка. Подобрав ее, Моро направился к выходу. Архимед, поставив стакан, ринулся за ним.

— Уходим, — вставая, произнес Китаец. — Тише.

Оглядываясь по сторонам, остальные покинули закуток, подобрав сумку Моро. Эпштейн со стоном ворочался на полу, хрустя битыми стеклами.

В дальнем углу коридора Марат и Спартак вели дискуссию, прерываемую звуками ударов и истеричными воплями перепуганного Спартака.

— Я тебя ждал, — говорил Марат.

— Да вот, понимаешь!... — громко оправдывался Спартак. — Нет, нет, нет. Ну ладно. А-а!... Чего ты дерешься?

В другом конце коридора медленно открылась дверь и появилась фигура в черном, вынимающая из-под куртки дубинку.

— Перестань, ну что ты! — вскрикивал Спартак. — Ну что ты? Ну ладно. А-а-а!.. Руки не распускай!

Крики Спартака сменились глухими звуками ударов.

Мгновением спустя, по аллее, ведущей в парк, метнулись несколько фигур, скрывшиеся за деревьями. Впереди всех улепетывал Спартак, оглашая окрестность воплями:

— А-а!.. Срывайся, мужики! Атас! Облава!

Моро спокойно шел по аллейке. Его нагнал

Моро спокойно шел по аллейке.

Китаец, подал сумку. Позади стонал и отхаркивался кровью сбитый с ног Марат.

Спартак остановился среди кустов, пытаясь отдышаться и прийти в себя. Платком он вытирал кровь, бегущую из носа. Наконец, он повернулся к остальным.

— В чем дело? — прошипел он раздраженно, стараясь придать голосу былую уверенность. — Где Эпштейн?

Китаец вышел вперед.

— Мы не причем. Эпштейна он съел.

Он мотнул головой в сторону Моро, подкуривающего сигарету. Спартак обвел взглядом остальных.

— Та-ак... — протянул он. — О-очень хорошо...

Г

Молодцы, ребята. Прекрасно, прекрасно... Ра-ад...

И, подойдя к Моро, смерил его взглядом, словно видел впервые.

— А кто ты такой? — вытянув губы, он приблизил к нему лицо. — Кто ты? — и, отвернувшись, повторил: — Прекрасно...

Внезапно, выйдя из себя, он схватил Моро за куртку и начал трясти, с яростью выкрикивая:

— А кто тебя просил? Кто тебя просил? Неужели ты не понимаешь, что это не твое дело? А? Ты что, фрайер? Не трогай меня только, не трогай! Ты понял это? Это не твое дело! — эхо вдали повторяло его крики.

— Ты же знал, что я им должен? — с расстановкой произнес Спартак.

Моро снисходительно стерпел его очередную выходку.

Спартак отпустил куртку и, размахивая руками, продолжал кричать:

— Я всем должен, блин!.. Я должен тебе, тебе, тебе!.. — палец его поочередно тыкал в каждого. — Я всем должен! Куда я денусь? — он безнадежно покачал головой и вытянул руку. — Сигарету.

Моро наблюдал как он прикуривает, неторопливо выпуская дым.

— Ты же знал, что им должен? — с расстановкой произнес Спартак.

— Но сначала ты должен мне, — возразил Моро.

Спартак еще раз вытер лицо платком, поглубже затынулся и отошел в заросли, повелительно бросив ребятам:

—Деньги собрать! Пятьдесят рублей. На билет.

Моро двинулся за ним. Остановившись в нескольких шагах, они некоторое время молча курили. Каждый думал о своем.

— Мне деться некуда, — обречено заговорил Спартак. — У меня нет выхода, понимаешь? Я все им скажу. Кто мы. Откуда.

Моро курил, слушая его. Он знал, что от Спартака можно ожидать чего угодно.

— Они достанут тебя. Давай, сваливай. А деньги я тебе вышлю телеграфом. Адрес прежний? Да?

Моро просверлил взглядом его затылок. Подойдя к Спартаку, он нацепил ему на нос разбитые очки.

— Я тебя сам найду.

Бросив последний раз взгляд на понурую фигуру, он исчез.

00.03.

Ночной вокзал сотрясало пыхтение отправляющегося тепловоза. Моро вышел в тамбур, захлопнул за собой дверь. Прислонившись к стене, затынулся сигаретой. В правом кармане куртки он нашарил ключи, о которых совсем позабыл. Он небрежно позвенел связкой, рассматривая брелок. Раздался гудок, качнувшись, вагоны тронулись.

И брелок заиграл.

Зазвучала мелодия, такая же забытая, как и любовь к девушке. Она напомнила ему картину, достойную кисти Дали.

Моро вышел в тамбур, захлопнул за собой дверь.

Земля и небо, разделенные линией горизонта. Земля, растрескавшаяся под солнцем, которое неподвижно зависло в безоблачно чистом небе. И одинокое, подгоняемое ветром перекасти-поле, устремляющееся куда-то вдаль...

И Моро, подобно ему, сейчас катился сам не зная куда, подгоняемый ветром собственных желаний. И снова этот ветер вдруг резко изменил направление...

... Правая рука неуверенно искала иглой шприца вену на сгибе левой, перетянутой выше резиновым жгутом. В тягостной тишине слышалось лишь сосредоточенное дыхание. Игла вошла в вену и содержимое шприца окрасилось алым.

Неожиданно щелкнула дверь. Дина испуганно подняла глаза, прикрытые солнцезащитными очками.

В комнату вошел Моро, помахивая ключами.

— Забыл отдать, — ключи зазвенели, полетев на стол. Дина сидела за столом, зажав вену кусочком ваты. Придя в себя, она поспешно поднялась и скрылась за полупрозрачной перегородкой. Не сводя глаз со стола, где остались лежать упаковки с ампулами, стерилизатор и шприц, Моро двинулся по комнате.

— Хорошо, что ты вернулся, — слышалось из-за перегородки.

— Да? Ну, рассказывай...

— Знаешь, Артур хороший. Однажды на Новый год принес мне елку. До сих пор помню ее запах, — голос Дины плавал, менялся. Моро почти физически ощущал, как уносят ее куда-то далеко

волны неведомого течения. Она разговаривала будто издалека. — Мы ее наряжали вместе, я так хохотала... Снова стала ходить в тир... Потом он устроил меня в клинику...

— Посадил на иглу, в квартире устроил склад, — продолжил за нее Моро. — Ну, ну...

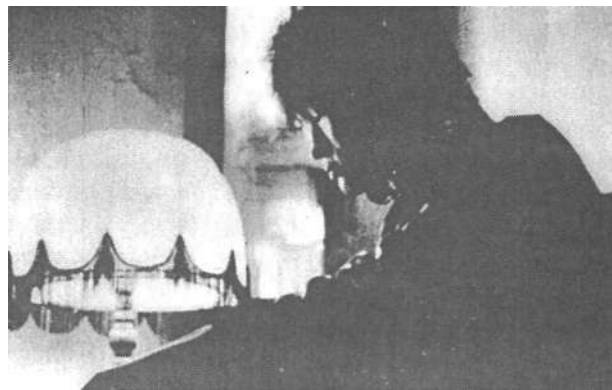
— Когда отец умер, я перетаскивала скульптуры из мастерской. Книги перебирала. Потом, однажды, к аквариуму подхожу, смотрю...

— Слушай, я одного не пойму, — перебил Моро. — Зачем тебе очки?

— Я не выношу цвет крови. Ну, вот... Представляешь, рыбы сдохли.

— Ну хорошо, что будем делать? — глаза его блуждали по ряду гипсовых фигур.

— Увези меня отсюда, — выговорила она после минутной паузы. — Ну, поехали куда-нибудь вместе.

— Посадил на иглу, в квартире устроил склад, — продолжил за Дину Моро, — Ну, ну...

На море... Помнишь... Помнишь, как там было хорошо?

Моро, задумавшись, сидел возле торшера. Повернувшись, он посмотрел на ее тень за перегородкой:

— Понял.

... Над солончаковой землей неподвижно висели белоснежные облака. Дина шла по тропинке среди развалин заброшенного поселка. Моро, с рюкзаком на спине и сумкой в руках склонился над дверцей погребка.

— Эй! — крикнул он, распахнув ее. Откликнулось эхо.

Оглянувшись, Дина пошла дальше. Моро поднял сумку и зашагал следом. В ушах его звучала мелодия пустыни, которую он успел позабыть за три долгих года. Душа его, вырвавшись из городских джунглей, здесь, в бескрайней пустоши, постепенно обретала успокоение.

Захламленная глинобитная мазанка, в которой они расположились, скрыла их от ночного холода. Но Дина до утра не сомкнула глаз. Полулежа за истлевшей рыбацкой сетью, давным-давно повешенной кем-то для просушки, она нервно теребила руками край покрывала, которым были укрыты ее согнутые в коленях ноги. Тело ее мелко дрожало от вкрадывающегося внутреннего холода и только одно средство могло этот холод остановить. С завистью поглядывала она на безмятежно спящего рядом Моро.

Вскоре она не выдержала.

Беспечно посвистывая, Моро лежал на топчане,

Повернувшись, он посмотрел на ее тень за перегородкой:

— Понял.

задрав ноги в кроссовках. От нечего делать он листал «Веселые картинки» — единственный познавательный материал, оказавшийся в его распоряжении. На грудь ему вдруг выпала вложенная между страниц фотография. И вновь воспоминания захлестнули его горячей волной.

Вскочив, Моро прикрепил фотографию на гвоздь, вбитый в деревянную подпорку и позвал:

— Дина!

Выйдя во двор, он осмотрелся. В казане, стоявшем посреди двора, огороженного полуразвалившимся глиняным дувалом, что-то варилось. Он заглянул под крышку, откуда вырвалось облачко пара и, вспрыгнув на пенек, позвал громче:

— Дина!

Высоко в небесной синеве слышался гул самолета. Помимо воли им овладевало беспокойство. Он вскочил на крышу хижины и посмотрел вдаль. Потом спрыгнул и скрылся за углом. Шум моторов нарастал.

Сдернув с веревки джинсы, он оделся и, застегиваясь, побежал прочь от аула, то и дело оглядываясь,

Сзади приближался стук колес дрезины.

По заброшенной железнодорожной линии, тянувшейся бесконечность, катилась дрезина. Наркоман, сидящий на ней в окружении набитых рюкзаков, отталкивался от земли длинной палкой под аккомпанемент стука и скрежета колес.

Все говорят, что мы в месте.

Все говорят, но немногие знают — в каком,

А из наших труб идет необычный дым,

Стой, опасная зона, работа мозга...

Моро стоял на волнистом гребне бархана, скрестив руки на груди и расставив ноги. Заметив его, наркоман бросил палку и, схватив рюкзак, бросился наутек. Отбежал он, однако, недалеко, упав на песок за первым же кустиком засохшей полыни, откуда стал настороженно выглядывать. Моро, рассмешенный его попыткой замаскироваться, усмехнулся и зашагал в сторону, досадливо проронив:

— Блин!..

Все говорят, но немногие знают — в каком.

— Эй! — закричал вслед наркоша. — Папирос нет? На «Кэмел» меняю!

— Нет, — бросил в ответ Моро.

— Ты меня не узнал? — кричал тот. — Ну ты даешь!

Спускались сумерки. По железнодорожной линии, тянувшейся к закату, катилась дрезина. Катилась дорогой жизни и надежд...

О-БАШОНТУМАЙ!
О-БАШИТУМАЙ!

Ночь набросила на пустыню свое черное покрывало, когда Моро вернулся к хижине. Распахнув со скрипом дверь, он остановился, оглядывая комнату, освещенную тусклым пламенем свечи. Дина отрешенно сидела на топчане, прислонившись к стене.

Постояв, Моро вошел и уселся за грубо сколоченный стол, повернувшись к ней спиной.

— Ну что, без очков не страшно было? — подавляя закипающую злость, спросил он.

Дина встала и вышла во двор. Подперев голову, Моро сидел неподвижно. Дина внесла чашку супа и поставила перед ним. Моро подвинул ее к себе, отложил хлеб и стал жевать.

— Дура, — без выражения произнес он. Зачерпнув ложкой из тарелки, добавил: — Мало того, что дура, еще и готовить не умеешь.

Дина, виновато глядя на него, подошла сзади и, обняв, прижалась щекой к голой спине Моро.

Утром, сидя на пенке, Моро мыл чашку в казане с водой. Его кто-то окликнул на казахском.

Оглянувшись, он увидел у развалившейся калитки аксакала.

— Эй! Эй! Балам тамак дайындап отырсын ба? — заговорил старик.

Кивая головой, Моро продолжал тереть чашку.

— Балам, касындагы казын кайда?

— Спит, — ответил Моро, мотнув головой в сторону хижины.

— Анау жерде тезек бар, — продолжал старик.

— Шарбакты бузбай, тезекты жак. Уктын ба? Суит!

Провожая глазами удаляющегося старика, Моро задумался.

Тихонько приоткрыв дверь хижины, Моро проскользнул внутрь и на цыпочках подкрался к безмятежно спящей Дине. Приподняв край одеяла он увидел у нее на груди сумочку. Осторожно

расстегнув «молнию» на ней, он извлек оттуда несколько упаковок ампул и тряпочку с завернутыми в нее шприцем и стерилизатором. Шприц он положил обратно, потом выбрался наружу.

Держа ампулы и стерилизатор, он зашел в сарай, отыскивая куда их спрятать. Обнаружив расщелину у пола, он нагнулся и затолкал упаковки вглубь.

В это время слышались чьи-то шаги во дворе. Осторожно выглянув, Моро увидел аксакала, который оставил на пне трехлитровую банку молока. У него отлегло от сердца.

ВЕЧЕРОМ ТОГО ЖЕ ДНЯ.

Моро, освещенный пламенем, сидел у костра. За его спиной полыхал закат и вместе с темнотой на землю опускалось великое молчание.

Сбоку скрипнула дверь и показалась фигура Дины в белой ночной рубашке. Будто привидение, она вышла во двор, глядя на потрескивающие в костре сучья.

— Где ампулы? — раздался ее резкий голос.

Рукой в перчатке Моро толкнул скорпиона, подбирающегося к его ноге, стараясь загнать в банку, где уже томились несколько его ядовитых собратьев.

— Сжег, — холодный ответ хлестнул подобно бичу. Загнав скорпиона в банку, Моро попытался шуткой смягчить обстановку:

— Ученые утверждают, что скорпионы — самые древние животные на Земле. Три года назад я их здесь не видел.

Попятившись словно от удара, Дина натолкнулась на дверь. Пальцы ее сжали рукоятку топора, дыхание стеснило грудь.

— Ты не видела, Дин?

Она взмахнула топором, выдохнув с ненавистью:

Козел!

Топор ударил банку с молоком, стоящую на окне. Со звоном полетели осколки. Резко обернувшись, Моро смотрел, как стекают по глиняному подоконнику белые капли, которым уже не суждено было никого напоить. Звон падающих капель врезался в сознание.

С той минуты Дина уже не могла совладать с собой. Час за часом металась она на топчане, не находя себе места. Лежа, она наблюдала расширенными от ужаса глазами за скорпионами, копошащимися в стеклянной банке, стоявшей перед ней. Она видела ядовитые жала, сочащиеся дурманом, от которого рождаются забвение и кошмары, видела скребущие по стеклу лапы, увеличенные ее воспаленным воображением до немыслимых размеров. Тысячи жал впивались сейчас в ее тело, тысячи серебряных игл пронзали кожу, боль пожирала ее. Она уже не слышала собственного крика, когда на помощь ей прибежал Моро.

Над аулом гудели винты самолета.

Наркоман, услышав гул сквозь музыку в наушниках, поглядел вверх и затаился в коноплянике.

Сидя за столом, Моро потрошил окурки. За его спиной снова слышались стоны. Он помог ей

приподняться и, дав таблетки, заботливо уложил на подушку.

ПРОШЛО ДВЕ НЕДЕЛИ.

Стоя у умывальника, Моро чистил зубы. Услышав шаги, оглянулся. Дина стояла у двери.

— Какое сегодня число? — спросила она.

Он, прополоскав рот водой, сплюнул.

— Две недели прошло.

Подойдя к ней, Моро сел рядом на скамейку и вытер губы полотенцем с ее плеча.

— Ну, как мы себя сегодня чувствуем? — подражая Артуру, спросил он. — Ну, сегодня получше, получше... Как ты?

Подойдя к ней, Моро сел рядом на скамейку и вытер губы полотенцем с ее плеча.

Напоминание пришлось не к месту.

— Душно, — сказала она. — Я на море пойду, купаться.

— Угу. — Моро провожал ее взглядом. Нет, они уже не те что раньше.

Пиная камешки, попадавшиеся на пути, Моро шагал к горизонту, за которым, как они думали, плескались ласковые волны. Солнце всходило над пустыней все выше, постепенно накаляя воздух. Прямо перед ними на песке возвышалась темная громада рыболовного траулера. Всеми покинутый и позабытый, стоял он, обдуваемый ветрами под палящим солнцем.

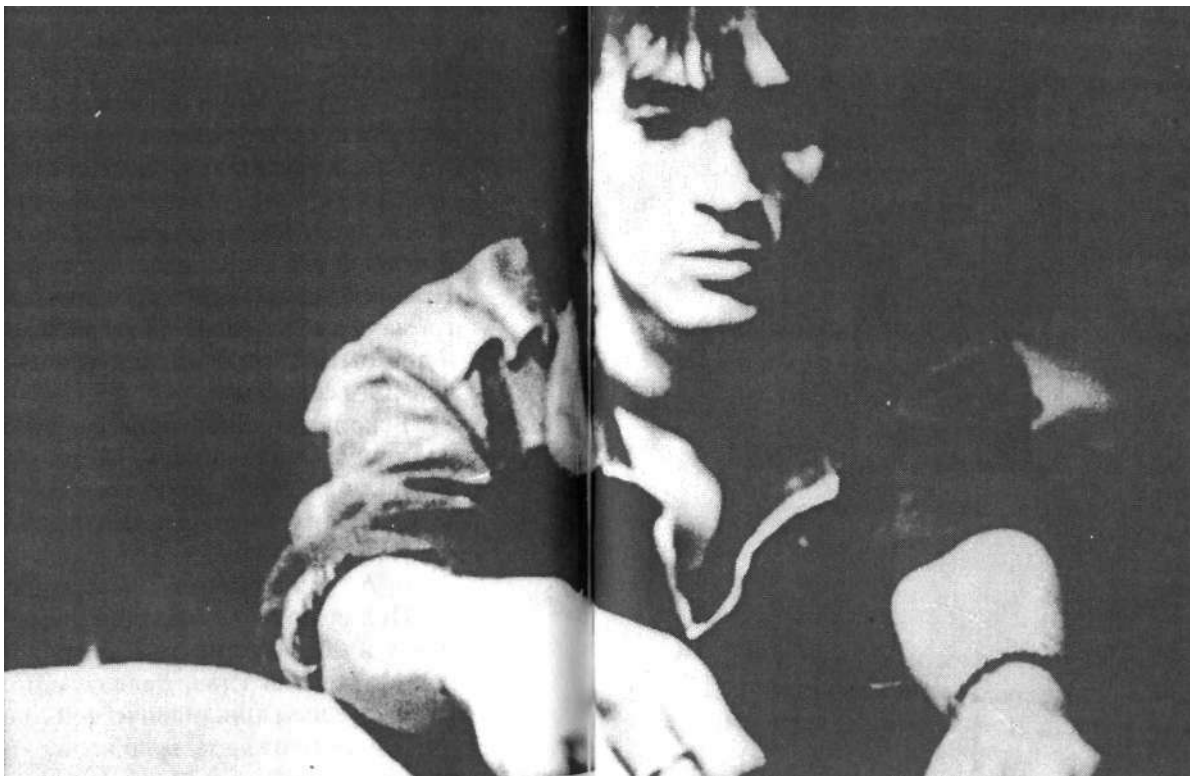
Вскрикнув, Дина присела, чтобы вытащить колючку. Оглянувшись, Моро приблизился к кораблю. Ухватившись за якорную цепь, он взобрался на палубу, сдирая подошвами кроссовок облупившуюся краску.

— А где же команда? — спросил он пустоту.

Поднявшись по лестнице наверх, он влез на мачту и обвел взглядом горизонт. Ничего. Насколько хватал глаз, белела земля, покрытая толстым слоем кристаллической соли.

Дина уже отошла на добрую сотню метров от корабля, прежде чем Моро нагнал ее. Они пошли вместе.

Одновременно с солнцем, припекавшим голову все сильнее, в мозг вклинивалась однообразная мелодия, столь же монотонная и гипнотизирующая, как и беспредельное пространство перед ними. Усталые, брели они по дну мертвого моря. Вскоре они поняли, что поход их бесцелен — вода

Сидя за столом, Моро потрошил окурки.

ушла на многие километры, если не на сотни километров. Они остановились, безнадежно разглядывая пустыню. Природа, как и они сами, изменилась неузнаваемо.

Впереди, к горизонту, катился по дну высохшего моря клубок сухих травяных стеблей, сплетенных в шар и подгоняемых ветром. Перекати-поле...

Они остановились, безнадежно разглядывая пустыню.

09.09.

Они находились в том же городе, в том же доме, откуда, казалось, еще совсем недавно уезжали. Моро поднялся с постели, освещенный экраном телевизора.

— Ты спишь? — спросил он Дину, оставшуюся под одеялом. — Вечером уедем отсюда... Уйду ненадолго.

По телевизору мелькали изображения.

— Ты побудешь одна, ладно?

Звякнул дверной звонок.

— Не открывай, — с тревогой Моро направился к двери.

Снаружи чьи-то пальцы пытались снять цепочку с приоткрытой двери. Подойдя, Моро посмотрел в щель на Артура, напряженно заулыбавшегося.

— Дина дома? — вымолвил он.

Не проронив ни звука, Моро взглянул на него в упор, и отошел, оставив дверь приоткрытой. Артур стоял, прислушиваясь. Через минуту в щель высунулась рука, протягивающая коробку. Артур взял ее и дверь захлопнулась. Ошеломленный, он постоял несколько секунд, потом нагнулся и положил коробку в дипломат.

Но, уже спускаясь по лестнице, он начал обдумывать идею, что пришла ему в голову.

Несколько хватал глаз, белела земля, покрытая толстым слоем кристаллической соли.

Моро посмотрел в щель на Артура.

Остановившись на площадке между лестничными пролетами, он совершил несколько неуклюжих танцевальных движений, после чего положил дипломат на перила. Принятие окончательного решения было делом нескольких секунд, затем руки его шелкнули замками дипломата. Уверенные пальцы одну за другой выдавливали ампулы и складывали их в карманы пиджака, оставляя в дипломате пустые упаковки.

Дверь подъезда распахнулась и Артур уверенно прошествовал к ожидающей его «Волге». Открыв дверцу, он сел на переднее сиденье и молча закурил. Водитель выжидающе смотрел на него. Артур шелкнул замками дипломата, сохраняя на лице выражение, не обещавшее ничего хорошего. Пальцы водителя поворожили пустые упаковки.

— Кто? — просипел он.

Сидящий сзади мужчина подался вперед. Артур захлопнул дипломат.

— Этот!

«Волга» с ревом рванула с места.

Моро у зеркала накидывал шарф.

Дина с тревогой следила за его приготовлениями.

— Не уходи. Он вернется

Моро, надевая перчатки, повернулся к ней:

— Я скоро.

Хлопнула дверь.

Моро шел по тротуару вдоль ограды парка. Заметив между деревьями группу ребят, он перепрыгнул через заборчик и направился к ним шурша по желтому ковру опавших листьев. Из

репродуктора на весь парк разносилась песня под которую Архимед в паре с другим парнем, замотанным в красный шарф, танцевали твист. Остальные, заняв скамейку, наблюдали за ними.

Моро остановился неподалеку. Кто-то заметил его и сказал Архимеду. Архимед, оглянувшись, направился к нему, как всегда на ходу приплясывая. Он все понял без слов и кивнул. Подойдя к Китайцу, он что-то шепнул ему на ухо и тот поднялся, кивнув Моро. Втроем они удалились.

Они миновали аллею и, проскочив между деревьями, Китаец направился к кассе. Что-то спросив, он пошел дальше. Моро и Архимед не отставали.

Раскрутив проволоку на железной сетчатой двери, Китаец распахнул ее и вскочил на бордюр, засыпанного листьями и всяческим хламом бассейна.

— Архимед, дай кефир! — обернувшись, он протянул руку. — Здесь подождите.

Открыв покрытую ржавчиной дверь, он исчез. Моро тоже запрыгнул на бордюр и, отряхиваясь, осмотрел заброшенный зоопарк, в котором очутился. Архимед дурачился, пытаясь удержаться на лежащем пне.

Китаец обошел пустующий вольер. Завернув, вошел в одну из клеток. Пусто. Он вышел и, поглазев по сторонам, условно свистнул.

Где-то в сторонке из клетки высунулась коротко стриженная голова.

— Эй! — окликнула голова. Высунув руку, Спартак поманил пальцем. — Иди сюда. Иди. Иди.

— Привет! — Китаец приблизился, протягивая кефир.

Спартак нетерпеливо откупорил бутылку и стал жадно пить. Опорожнив бутылку до половины, он рукавом вытер губы, бессмысленно хлопая осоловелыми глазами. Раздавшийся сзади скрип заставил его насторожиться. Сквозь прутья решетки показались идущие Моро и Архимед.

Совсем рядом Спартаку почудился звериный рык. С криком он выскочил из клетки и побежал к бассейну, выронив кефир. Отодвинув сетчатую дверь, он взобрался на ограду бассейна и с криком рухнул вниз.

Уверенным шагом Моро поднялся на бордюр. Спартак неподвижно лежал среди гнилой листвы.

Голос Моро звучал даже мягко:

— Спартак.

— А-а? — тот перевернулся на спину. Лицо его украшали очки, разбитые тем памятным вечером в кафе. Он приподнялся на локте. — Знаешь, эти двое, там, в баре — Эпштейн и тот, который меня мутузил, они были мои люди, ты понимаешь? Я просто хотел разыграть тебя. Просто.

Китаец сдул пепел со своей сигареты.

Моро поправлял перчатки, слушая очередной бред.

Спартак, набравшись решимости, вскочил.

— Что я, сумасшедший что ли? — он влез на бордюр и, скатившись по детской горке, ринулся дальше.

— За мной! — орал он. — Вперед! Будете мне здесь «шалай-валяй-болтай»!.. Я здесь... Всем устрою!

Выйдя на площадку, он поднял лежавшую на боку колоду и, взобравшись на нее, выставил руку перед собой.

— Экзекуцию! Экзекуция! — продолжал он. — Люди! Вперед и только вперед, а потом наверх!.. А потом обратно вниз. Мы наведем здесь порядок! Каждый из нас...

Архимед, не обращая внимания на словоизлияния Спартака, бегал по беличьей карусели, переворачиваясь вниз головой.

— ... Это один. Но все мы вместе — это мы! И мы здесь все перевернем. Каждому только одно — свобода. Независимость — это моя прерогатива! Я — единственный кто способен дать возможность существованию. Власть не существует! Остается

только одно — мысль в каждом нашем теле. Это мысль к существованию — настоящему, само стихийному!

Архимед присел на ступени и прислушался. Моро шел по кругу сосредоточенно поглядывая на оратора. Вновь ему чудилось, будто на его глазах происходит обратное превращение того, что некогда было животным, но по чьей-то нелепой прихоти, обратилось в человека. Сейчас на человеческом лице все яснее проступали звериные черты. На бочке перед ним стоял обезьяно-человек, во всю глотку выкрикивающий «большие мысли».

— Бытие — это не есть сознание, бытие есть подсознание. Освобождаем себя! Вперед! А потом обратно. Консервация времени — это наш девиз, но мы его закрыли, потому что... — Спартак указал пальцем на Архимеда. — Ты не оправдал моего доверия, — он перевел руку на Китайца. — Ты тоже не оправдал моего доверия. Я распускаю и сам распускаюсь. Упасть и подняться!.. Нет! Лежать, раз упал. Родные мои! — он распахнул руки, словно собрался обхватить слона. — Прощайте! Я был с вами! Теперь меня с вами не будет. Братцы!.. — на этом его словесный запас иссяк. Он хлопнул себя руками по бедрам и пожевал губами. — Вот так, — пожав плечами, он спрыгнул на землю и ухватился за висящий канат.

— А-а-а! — дико вопя и хохоча, он принялся раскачиваться на нем. Голые деревья шатались над ним в буйной пляске.

Превращение завершилось. Моро шел по аллее

и ему казалось, что вдогонку летит звериный рык вперемешку с насмешливым обезьяньим уханьем.

ГДЕ ЦЕЛЬ ЖИЗНИ-ТО? ЦЕЛЬ ЖИЗНИ?

Спартак, оставшись в одиночестве, неподвижно лежал среди опавшей листвы, уставясь в небо. Над ним раскачивалась веревка, привязанная к качели.

МОЗГ БОЛИТ... НЕ ЗНАЮ ДАЛЬШЕ...
УСТАЛ.

18.04.

Моро, перебежав дорогу, вошел в сквер и завернул за угол. В стороне курили двое, наблюдая за ним. Один из них, по кличке Жан, рванул следом. Моро миновал еще двоих. Подоспевший Жан указал им на Моро:

— Вот он!

— Эй, браток! — крикнул долговязый.

Моро оглянулся.

— Тормозни.

Они подошли втроем.

— Поговорить надо, — многозначительно произнес долговязый.

— Отойдем в сторонку? — предложил второй в шляпе.

Моро окинул их взглядом:

— Пошли.

Они направились в сторону гаражей. В закоулке между кирпичной стеной и дощатым забором находилось еще несколько человек. Небритый, сидевший на спинке скамейки, которого звали

Фарид, спросил у подошедшего Моро, окруженного со всех сторон.

— Ну, так где стекло?

— Какое стекло? — удивленно поднял брови Моро.

Человек в капюшоне, сидящий подле Фариды, покосился на него.

— Что ты дурака валяешь? — с угрозой спросил Фарид. — Люди ждут.

Моро пожал плечами:

— Ребята, я вас не знаю. Что вам нужно?

— Стекло нужно.

— Какое стекло? — Моро не терял хладнокровия — Для окон?

— Какое стекло? — удивленно поднял брови Моро.

— Ты че трешь? — высунулся вперед наркоман в шляпе.

— Через десять минут чтобы стекло было здесь, — не допускающим возражений тоном произнес Фарид. — А нет — будем разговаривать по-другому.

— А как — по-другому? — вскинул голову Моро.

— Ну ладно, хорош порожняка гонять. — Фарид мотнул головой.

Долговязый толкнул Моро в гущу наркоманов. Кто-то сбоку нацепил на него шляпу. Моро оттолкнул его, скинув шляпу и, пятясь к забору, приготовился к защите.

Моро оттолкнул его, скинув шляпу, и, пятясь к забору, приготовился к защите.

Моро, подставив под его удар левую руку, правой сбил его с ног.

Наркоман в шляпе поднялся со скамьи и, глядя на одинокого Моро, неодобрительно покачал головой. Он демонстративно обнажил голову и, оставив шляпу на скамейке, шагнул вперед.

Моро, подставив под его удар левую руку, правой сбил его с ног. Левой ногой он всадил в грудь Жану, отбросив его к забору. Подоспевшему противнику в вязаной шапке с ножом в руках, он молниеносно нанес несколько прямых ударов в корпус и, когда тот согнулся, свалил его ударом по шее. В тот же момент кто-то, выскочив из-за угла, с размаху ударил Моро дрыном по спине. Моро отлетел к забору. Перед глазами у него

Подоспевшему противнику в вязаной шапке он нанес несколько прямых ударов в корпус.

расплылись черные пятна. Калейдоскоп образов пронесся в мозгу.

Распахнув дверь, Моро ступил в прихожую. На скуле его атели глубокие царапины. В зале, где горели настольные лампы, звучала заевшая пластинка. Настороженно осмотревшись, он приоткрыл дверь кухни.

За столом возле холодильника сидела Дина и глаза ее отчужденно следили за плетеным торшером, который, кружась, отбрасывал по комнате фантастические тени. Глаза ее были пусты и появления Моро она даже не заметила.

Его сознания достиг голосок из телевизора:

— Мы родного Айболита не забудем никогда!

В тот же момент кто-то, выскочив из-за угла, с размаху ударил Моро дрынком по спине.

Моро оплетел к забору.

Моро в последний раз взглянул на резиновый жгут, свободно висящий у нее на локте. Потом захлопнул дверь. Роль Айболита ему не удалась. Теперь его переполняла жажда мести.

... В круглом бассейне, наслаждаясь, плавал Артур. Нырнув, он ухватился за поручень лестницы и высунулся из воды. То, что он увидел вдруг над собой, заставило его разжать руки. Он мигом оказался у противоположной стороны бассейна.

У лестницы стоял Моро. В проходе за его спиной один за другим появлялись ребята, выстроившиеся вокруг бассейна: Архимед, Китаец, Лелик... Шаги дробно звучали по кафелю.

Подача воды в бассейн была прекращена и теперь она быстро убывала. Артур, стоя по грудь в воде, беспомощно взирал на равнодушные, непреклонные лица. Когда воды осталось по колено, он плеснул ее себе в лицо, потом лег, распрямив руки, словно желая утечь вместе с водой сквозь щель в полу.

Наконец бассейн опустел. Издав утробное похрюкивание, Артур поднял голову. Архимед швырнул ему одежду.

Одевался он неторопливо, не пропуская ни одной мелочи. Завязал шнурки, отвернувшись, застегнул брюки, поправил пиджак. Но так и не набрался смелости подняться вверх. Вместо этого он нацепил очки и взялся рукой за поручень.

— Я даже не знаю как с тобой разговаривать,— не поворачиваясь начал он. — Ты ведь думаешь что всю эту историю я затеял. А от меня тут ничего не зависит. Они же каждый день требуют. Каждый

У лестницы стоял Моро. В проходе за его спиной один за другим появлялись ребята, выстроившиеся вокруг бассейна: Архимед, Китаец, Лелик...

Моро тоже смотрел вверх.

день! Но надо бороться. Нас теперь двое, нам будет легче. Человек ты хороший, честный. Я в этом убедился. Учти, Дину из этого мы вытащим только вдвоем. Надо же понимать такие вещи! — он обернулся и застыл с открытым ртом.

Зал был пуст.

Моро медленно спускался по лестнице, пытаясь вычеркнуть из памяти то мерзкое зрелище, свидетелем которого он только что оказался. Над городом нависла ночь, светили фонари. Сыпали снежные хлопья.

Следом шел Китаец. Моро остановился, вынимая из карманов перчатки. На припорошенные снегом ступени выпал брелок со связкой ключей. Едва слышно зазвенела мелодия. Но Моро не стал нагибаться.

Бросив взгляд на ключи, Китаец посмотрел на Моро.

— Уедешь? — понимающе спросил он.

Моро пожал плечами.

Архимед, задрав голову, с улыбкой подставил лицо снежинкам.

— Теперь это надолго, — сказал он.

Моро тоже смотрел вверх. Лето было еще недавно, когда он снял со столба фотокарточку в хижине заброшенного аула.

— Пойду попрощаюсь со стариками, — говорила Дина, переступая порог. Моро, выйдя наружу, заглянул в сарай. Вынув из тайника ампулы, он бросил их в догорающий костер. Спустя минуту послышался прощальный салют. Они навсегда покидали свой остров...

Моро медленно спускался по лестнице, пытаясь вычеркнуть из памяти то мерзкое зрелище, свидетелем которого он только что оказался.

Моро вышел на глухую парковую аллею.

Стоя в телефонной будке, Моро зачарованно смотрел на уличный фонарь, в свете которого кружили снежинки.

- Алло? — слышалось в трубке
- Дина!..
- Алло?
- Я сейчас приду.
- Алло?.. Алло?..
- зазвучали частые гудки.

Взяв в губы сигарету, Моро щелкнул зажигалкой, грея оставшуюся свободной руку в кармане куртки.

22.55.

Моро вышел на глухую парковую аллею, скупо освещенную редкими фонарями. Ели, тянувшиеся вдоль обеих сторон тротуара, были осыпаны бархатистым снегом и больше походили на искусственные декорации, выставленные на сцене незадолго до появления главных действующих лиц. Взяв в губы сигарету, Моро щелкнул зажигалкой, грея оставшуюся свободной руку в кармане куртки.

— Разрешите прикурить, — слышалось сзади.

Моро повернулся, протягивая зажигалку приближающемуся незнакомцу в надвинутой на глаза шляпе. Подойдя, тот вдруг сжал протянутую руку.

Жестокая боль пронзила Моро. Незнакомец ударил его ножом в бок, после чего хладнокровно поднес язычок пламени к своей сигарете и, выпустив руку упавшего на колени Моро, отступил в тень.

Стоя на коленях, Моро посмотрел вниз. На снегу, освещенном огоньком судорожно сжатой зажигалки, алели рубиновые пятна. Он поднял глаза и увидел как растянулись в улыбке тонкие губы. Сунув нож в карман, незнакомец скрылся в конце аллеи, провожаемый взглядом Моро.

Преодолевая боль, Моро поднялся с колен и закурил свою сигарету. Потом повернулся и пошел своей дорогой, печатая следы на пронзительно белой поверхности.

Теплое место, но улицы ждут
Отпечатков наших ног.
Звездная пыль на сапогах
Мягкое кресло, клетчатый плед,
Ненажатый вовремя курок,
Солнечный день в ослепительных снах...

Нетвердо ступая, Моро брел по заснеженной аллее. Он уже не чувствовал холода. В его сознании, боровшемся с подступающей чернотой, нагромождались хаотичные видения. Сейчас он был зрителем и участником одновременно, и снова дрался с наркоманами.

Группа крови на рукаве,
Мой порядковый номер на рукаве,
Пожелай мне удачи в бою,
Пожелай мне удачи.

Отброшенный, он летел к забору. Парень в куртке вновь замахивался на него корягой, но сбитый с ног подсечкой Моро, оказывался на земле. Моро вскакивал как раз вовремя, чтобы увернуться от его очередного удара. Отшвырнув парня в сторону, Моро блокировал удары подскокившего бородача и, ударив ногой долговязого, прыгал вперед, сбивая стоящего впереди.

Покончив со всей компанией, он не спеша приближался к Фариду, в глазах которого теперь светился страх. Лицо Фарида исчезло и Моро увидел Артура, сидящего в бассейне.

Есть чем платить, но я не хочу
Победы любой ценой.
Я никому не хочу ставить ногу на грудь,
Я хотел бы остаться с тобой,
Просто остаться с тобой,
Но высокая в небе звезда
Зовет меня в путь...

Пыль, взвихренная ветром, кружилась среди лачуг заброшенного аула. Откуда-то появился Спартак, лежащий среди листьев. Рассмеявшись, Моро прислонился к забору и, облегченно вздохнув, задумался.

Одинокая фигура медленно удалялась вглубь аллеи. Густо сыпал снег...

Сейчас он был зрителем и участником одновременно, и снова дрался с наркоманами.

*Группа крови на рукаве,
Мой порядковый номер на рукаве,
Пожелай мне удачи в бою,
Пожелай мне удачи.*

...ударив ногой долговязого, прыгал вперед, сбивая стоящего впереди...

Моро блокировал удары подскокившего бородача.

Моро вскакивал как раз вовремя, чтобы увернуться от его очередного удара.

Моро пристально рассматривал ее сквозь зеркальные стекла очков. Улыбка его становилась все шире.

*«Есть чем платить, но я не хочу
Победы любой ценой»*